

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НОВОЕ СЛОВО О ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР И “ВЫСОКОМ ИСКУССТВЕ” ПЕРЕВОДА

(Н.А. Фененко. Язык реалий и реалии языка. - Воронежский МИОН, 2001, Воронежский государственный университет, 2001. - 139с.)

© 2003 А.П. Бабушкин

Воронежский государственный университет

В Воронежском государственном университете при содействии Воронежского межрегионального института общественных наук вышла книга Наталии Александровны Фененко “Язык реалий и реалии языка”. Обращение Н.А. Фененко к проблемам переводоведения не случайно. На протяжении многих лет она не только проводила исследования в этой области (в том числе, совместно с А.А. Кретовым - автором предисловия к книге), но и активно занималась практикой перевода, накопив богатый опыт в сфере “диалога двух культур” - русской и французской.

Книга состоит из двух частей. Первая часть называется “Язык реалий”, вторая – “Реалии языка”, но объединенные союзом и вынесенные на суперобложку эти номинации не воспринимаются уже в качестве отдельных рубрик - названий соответствующих разделов книги, а в своем синтетическом единстве указывают на новый интересный подход автора к изучаемым явлениям. Этот подход заключается, прежде всего, в уточнении самого термина “реалия”.

Н.А. Фененко исходит из того, что существуют: 1) артефакты и натурфакты объективной действительности, свойственные среде обитания исключительно того или иного социума (предметы, вещи); 2) культура, которая мыслится как идеальный эквивалент среды обитания — эта среда кроме объективной реальности включает в себя и субъективную реальность (именно в “ауре” идеального локализуются концепты как устойчивые образы уникальных артефактов и натурфактов) и, наконец, 3) язык - совокупность средств, необходимых для объективации концептов и их номинации.

Принимая во внимание отмеченную выше “триаду”, автор предлагает говорить о R - реалиях (от фр. *réalité*- действительность), С - реалиях (от фр. *Concept culturel* - культурный концепт) и L - реалиях (от фр. *lexeme* - лексема). В этом случае термин “реалия” сохраняется в качестве родового.

Сравним такое понимание реалий с позицией Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой, приводимой

ими в Словаре-справочнике лингвистических терминов: Реалии (от средневекового лат. *realis* - вещественный) - предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова.¹

Книгу “Язык реалий и реалии языка” можно представить в виде очерков, посвященных общей идее. Эта идея строится на фактах взаимодействия и взаимовлияния двух языков и двух культур, которые выявляются в процессе перевода реалий: русских — на французский язык и французских - на русский. Конечно, такие слова русского языка, как “изба”, “самовар” и “балалайка” могут быть переданы транслитерацией, однако, как указывает Н.А. Фененко, в переводном тексте редко встречаются L - реалии. Они используются лишь тогда, когда есть необходимость подчеркнуть их принадлежность к “экзотизмам”, то есть когда перечисленные выше (и им подобные) лексемы выступают в роли историко-культурных реалий. Более частыми являются случаи, когда переводчик, находящийся на стыке двух культур и призванный сформировать “чужую” культурно-языковую картину мира, делает это только с помощью средств, которыми располагает его родной язык.

Конечно, предполагаемые при этом трансформации не обходятся без потерь. Один из способов сделать эти потери минимальными заключается в том, чтобы компенсировать их посредством контекста, что приводит к созданию текстового эквивалента, другой способ - расширить концептосферу культуры - адресата, создавая С - реалии в тексте перевода.

Таким образом, переводчик, а вместе с ним и читатель переводного произведения, осваивают “чужую” действительность, “набрасывая” на нее “понятийную сеть” того ментального пространства, которое именуются “своим”.

Тот же самый принцип выдерживается при переводе единиц языка, обозначающих цветовую палитру реалий, хотя и здесь неизбежны потери, особенно когда речь идет об индивидуально-авторских “красках”, которые свойственны одно-

му стандарту мироощущения (или, по крайней мере, понятны в рамках этого стандарта), а в другом - полностью отсутствуют.

Во всяком случае, приходишь к выводу о том, что переводческое решение рождается отнюдь не в результате поиска значения нужного слова в двуязычном словаре. Творческая лаборатория переводчика устроена гораздо сложнее. Необходимо учитывать жанр исходного текста, глубоко чувствовать стиль переводимого произведения, хорошо знать эпоху, на фоне которой разворачивается сюжет повествования, то есть надо иметь соответствующий “когнитивный багаж”, чтобы позволить читателю увидеть “чужой” мир, познакомить с ним, понять его - и это далеко не полный перечень того, что нужно знать и чем необходимо владеть переводчику-профессионалу. Если при переводе общественно-политического текста преобладает способ транскрипции и калькирования, то, передавая фольклорное произведение средствами “чужого” языка, важно найти ход не столько к разуму реципиента (например, с помощью эксплицирующих сносок), сколько к его подсознанию, разбудить в нем чувства по той эмоциональной шкале оценок, по которой данная реалья воспринимается на родном языке, по возможности сохранить ритм звукового ряда исходного текста - одним словом, добиться импрессивного эквивалента (термин Н.А.Фененко).

С большим интересом воспринимается глава “Прагматика реалий: создание положительного образа страны”. Подчеркивается, что в формировании позитивного имиджа страны большую роль играют R-реалии и L-реалии. При успешной выборке необходимых для этой цели текстов происходит приближение, “интимизация” “чужого” средствами родного языка, благодаря чему важная оппозиция “свой/чужое” постепенно стирается”.

Внимание исследователя привлекает проблема адаптации текста языка оригинала, в целом, и передачи национального (местного, временного и социального колорита), которым маркирована культурноспецифическая лексика, в частности.

Одна из важнейших задач переводоведения, которую рассматривает Н.А. Фененко, связана с рациональной интерпретацией смысла при переводе. Смысл представляется в виде информационной категории, требующей для своего раскрытия обращения к знаниям о мире. Операции по реализации этого процесса, направленные на переход смысла текста-оригинала в смысл переводного текста, описываются с привлечением таких сложных понятий как значение и пресуппозиция, значение и значимость слова.

Несмотря на все переводческие трудности, восходящие к различиям в языках, которые коренятся в несовпадающих условиях бытования носителей этих языков, в проявлениях их своеобразной материальной и духовной культуры, термин “непереводимое в переводе”, опровергается самой переводческой практикой, насчитывающей не одно тысячелетие. В связи с этим, как пишет Н.А. Фененко, на центральное место в теории переводоведения выступает теория компенсации, ибо существует способность языков и культур компенсировать недостаточность одной из своих сфер за счет других. Именно поэтому мастеру своего дела дается передать на своем языке национальный “дух народа”, который отдален от “своего” не только государственными, но и языковыми барьерами.

Книга Н.А. Фененко завершается рассуждениями о месте переводоведения в системе других дисциплин, перечисляются нерешенные проблемы, намечаются новые перспективы исследования в сфере теории перевода.

Как и в любой крупной работе, в монографии Н.А. Фененко содержатся моменты, дающие повод для дискуссии. Во-первых, отдавая дань интересной идее выделения родового термина “реалия” и его видовых ветвлений, хочется понять, как следует “развести” между собой R -реалии и C -реалии, если R - реалия не столько сам предмет, который можно “пощупать руками”, а, скорее, образ этого предмета (в таком случае, в чем заключается различие между денотатом - в такой интерпретации - образом реалии и ментальной структурой, которую в современной лингвистике принято называть концептом?).

Во-вторых, можно согласиться с Н.А. Фененко, что в ходе заимствования C - реалий происходит расширение концептосферы переводящей культуры. Тем не менее, на мой взгляд, это справедливо лишь при том условии, если переводное произведение является “настойной книгой” не единичного, а массового читателя. В целом, книга Н.А. Фененко - глубоко содержательна, она увлекательно читается и содержит многочисленные примеры удачных переводов, подтверждающих определенные приемы “высокого искусства”, рожаемого в “муках творчества”.

Думается, что монография “Язык реалий и реалии языка” окажется чрезвычайно полезной для ученых-лингвистов, профессиональных переводчиков, студентов, пробующих свои силы на этом поприще, для всех тех, кто интересуется взаимосвязью языков и культур.